

человек загадка

Ольга
ЕЛИСЕЕВА

ТАЙНАЯ
ЖИЗНЬ
ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНА
ВЕЛИКАЯ

Ольга Игоревна Елисеева
Екатерина Великая. Тайная
жизнь императрицы
Серия «Человек-загадка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8052587

Екатерина Великая. Тайная жизнь императрицы: Молодая гвардия;

Москва; 2015

ISBN 978-5-4444-7905-6

Аннотация

Золотой век Екатерины II... Плетущие интриги фавориты, преданные гвардейцы, таинственные масоны, – двор великой императрицы до сих пор не раскрыл своих тайн. Государыня, конечно, не была святой – ее грехи известны. Но все они – и большие, и малые – в здравой памяти благодарного потомства с лихвой искуплены величием ее побед: парусами и пушками Черноморского флота, стенами Севастополя и Одессы, Николаева и Симферополя, Херсона и Мелитополя, сокровищами Эрмитажа. На три континента, включая север Америки, простерлась при ней Империя Российская...

Содержание

Екатерина II	5
Пролог	9
У зеркала	16
Глава 1	20
Штеттин – маленький город	20
Сестры Кардель	23
Семейный треугольник	28
«Человек прямого и здравого смысла»	38
Из окна кареты	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ольга Елисеева
Екатерина Великая
Тайная жизнь императрицы

© Елисеева О.И., 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Екатерина II

Зрячее счастье

Говорят, в Петербурге один турист, глядя на памятник Екатерине II работы скульптора М.О. Микешина, решил, что императрица изображена в окружении своих фаворитов. Курьезное суждение. Но дыма без огня не бывает. В подавляющем большинстве наши современники знают о Екатерине не только то, что у нее было много возлюбленных, которых она щедро одаривала крепостными крестьянами и землями. Немногочисленные отличники вспомнят, что Екатерина подавила восстание Пугачева. А просвещенные граждане приведут цитату Пушкина: «Тартюф в юбке». Но уже на слове «Тартюф» начнутся трудности: кто такой и чем наша самодержица похожа на мольеровского героя?

Поэтому давайте договоримся: Екатерина II была великой императрицей. Царствовала 34 года. Выиграла три войны (две с Турцией и одну со Швецией), присоединила Крым, участвовала в трех разделах Польши, чем существенно округлила границы своей страны. Привила в России оспу. Осуществила два каскада реформ, модернизировавших государственный аппарат. За время ее правления численность населения увеличилась почти вдвое (во многом за счет падения смертности и увеличения рождаемости). Сумела заду-

шить в зародыше гражданскую войну, начавшуюся с мятежа Е.И. Пугачева. Переписывалась с французскими философами-просветителями. Положила начало женскому образованию, организовала первые приюты и сиротские дома. Запретила книгу А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Боролась с французской революцией. И не любила своего сына Павла.

Памятник Екатерине II. Скульптор М.О. Микешин

Это краткий «джентльменский набор» того, что стоит знать о «Матушке-государыне». Теперь можно вернуться к рассказу о личности государыни.

Пролог

«Счастье не так слепо...»

В начале лета 1791 г. пожилая дама прогуливалась по зеленым липовым аллеям Царского Села. Ей было за 60, но она сохранила бодрость и все еще любила долгие пешие променады, как бы отделявшие часы утренней работы от обеда и послеобеденных дел. Судя по Камер-фурьерскому журналу, государыню повсюду сопровождали любимая левретка и две немолодые подруги: камер-юнгфера Марья Саввишна Перекусихина и статс-дама Анна Никитична Нарышкина. За долгие годы, проведенные у власти, императрица научилась оставаться одна даже в кампании посторонних.

Когда-то веселую и общительную великую княгиню тяготило вынужденное одиночество. Потом, уже после восшествия на престол, вынужденным стало постоянное пребывание на публике, и Екатерина смогла в полной мере оценить прелесть редких минут уединения. Окруженная спутницами, она слушала и не слышала их разговор, отвечала, улыбалась, шутила, но... думала о другом. Не так давно Екатерина возобновила работу над «Записками» – воспоминаниями о днях молодости. Государыня много раз обращалась к этому произведению, можно сказать, работала над ним всю жизнь, внося что-то новое, уточняя и вымарывая, переставляя кус-

ки...

Еще в 1745 г. юная принцесса нарисовала свой психологический портрет, озаглавив рукопись «Набросок начерно характера философа в пятнадцать лет».

Великая княгиня Екатерина Алексеевна. Художник Г.-Х. Гроот

В конце 1750-х гг. из-под пера Екатерины вышла краткая редакция «Записок». А в 1758 г., узнав об аресте канцлера Алексея Петровича Бестужева, ее политического сторонника, великая княгиня сожгла бумаги, в том числе и биографические заметки. После переворота 1762 г. молодая императрица написала еще две редакции «Записок», одна из которых почти совпадала с первой, а другая была расширена за счет рассказа о заговоре. Затем воспоминания оказались надолго отложены в дальний ящик, а их автор со всей страстью преданся государственной работе. На повестке дня стояли: секуляризация церковных земель, генеральное межевание, созыв Уложенной Комиссии...

Кроме того, Екатерина сочиняла пьесы, либретто для комических опер, делала исторические заметки, но ни разу не прикоснулась к своим мемуарам. Видимо, она была так поглощена новыми замыслами, что у нее не возникало потребности вспоминать прошлое. Жизнь сегодняшняя, реальная кипела у Екатерины под руками и буквально капала с кончика пера.

Однако все имеет свой предел, и человеческие силы тоже. С 1771 г. начался один из труднейших периодов царствования императрицы. Цесаревич Павел подрос и стал всерьез

претендовать на престол, один заговор следовал за другим. Продолжалась первая русско-турецкая война 1768–1774 гг., а в глубине страны разразилась Пугачевщина. Вот тогда-то Екатерина вновь взялась за «Записки». Их очередная редакция обогатилась рассказами о событиях 1729–1750 гг. Над ней царица работала с 1771 по 1774 г. То есть до тех пор, пока в ее жизни не произошел новый крутой поворот, и она не обрела опору там, где не чаяла.

Зимой 1774 г. императрица сблизилась с Григорием Александровичем Потемкиным, сделала его фаворитом, затем фактическим соправителем и даже, по некоторым источникам, тайно венчалась с ним. Светлейший князь стал для Екатерины главным помощником, оказывал политическую и моральную поддержку, создавал новые государственные проекты. И опять в течение 17 лет, совпавших со временем могущества Потемкина, царица не притрагивалась к воспоминаниям. Она вновь сочиняла исторические драмы, бытовые пьесы и сказки для внуков, вела громадную переписку.

Прошло почти двадцать лет, и Екатерина внезапно вернулась к мемуарам. Она трудилась над их последней редакцией с 1790 г. до конца жизни, т. е. до 1796 г. Это время тоже не было простым: новая русско-турецкая война 1787–1791 гг., совпавшая с ней русско-шведская 1788–1790 гг., затем смерть Потемкина, революция во Франции...

Екатерина старела, ее жизненная энергия и былой задор

иссякали, болезни брали свое. Оставалась ясность ума и грустное сознание того, что далеко не все задуманное удалось совершить в лучшие годы. И вот опять императрица вынимает пожелтевшие листы воспоминаний, перерабатывает, дописывает, уточняет.

Создается впечатление, что Екатерина обращалась к мемуарам именно в тяжелые моменты жизни. Что она искала в них? Ободрения? Опоры? Силы для того, чтоб выстоять в невзгодах? Вероятно, трудности, встававшие перед государыней уже в дни царствования, не были, на ее взгляд, сравнимы с тем откровенно невыносимым существованием, которое она вела в юности. Недаром пожилые героини пьес Екатерины часто в той или иной форме повторяют фразу: «Хоть печали и много было смолоду, но мне под старость бы видеть лица веселые». Вглядываясь в картины прошлого, Екатерина словно училась у самой себя, более молодой и выносливой, словно говорила: если я выдержала тогда, грешно не выдержать сейчас.

Третья редакция «Записок», относящаяся к 90-м гг. XVIII в., начиналась многозначительным рассуждением о счастье и несчастье: «Счастье не так слепо, как его себе представляют. Часто оно бывает следствием длинного ряда мер, верных и точных, не замеченных толпою и предшествующих событию. А в особенности счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения. Чтобы сделать это более осязательным, я построю следующий

СИЛЛОГИЗМ:

Качества и характер будут большей посылкой;

Поведение – меньшей;

Счастье или несчастье – заключением.

Вот два разительных примера.

Екатерина II,

Петр III».

У зеркала

Что же позволило императрице поставить такой победный аккорд именно в годы невзгод и испытаний? Что заставляло Екатерину думать о себе как о счастливом человеке, когда кругом в зыбком вихре, поднятом французской революцией, кружились осколки корон и вдребезги разбитых тронов, когда резкие звуки «Марсельезы», доносясь до Петербурга, начинали смахивать на разбойничьи песни пугачевцев?

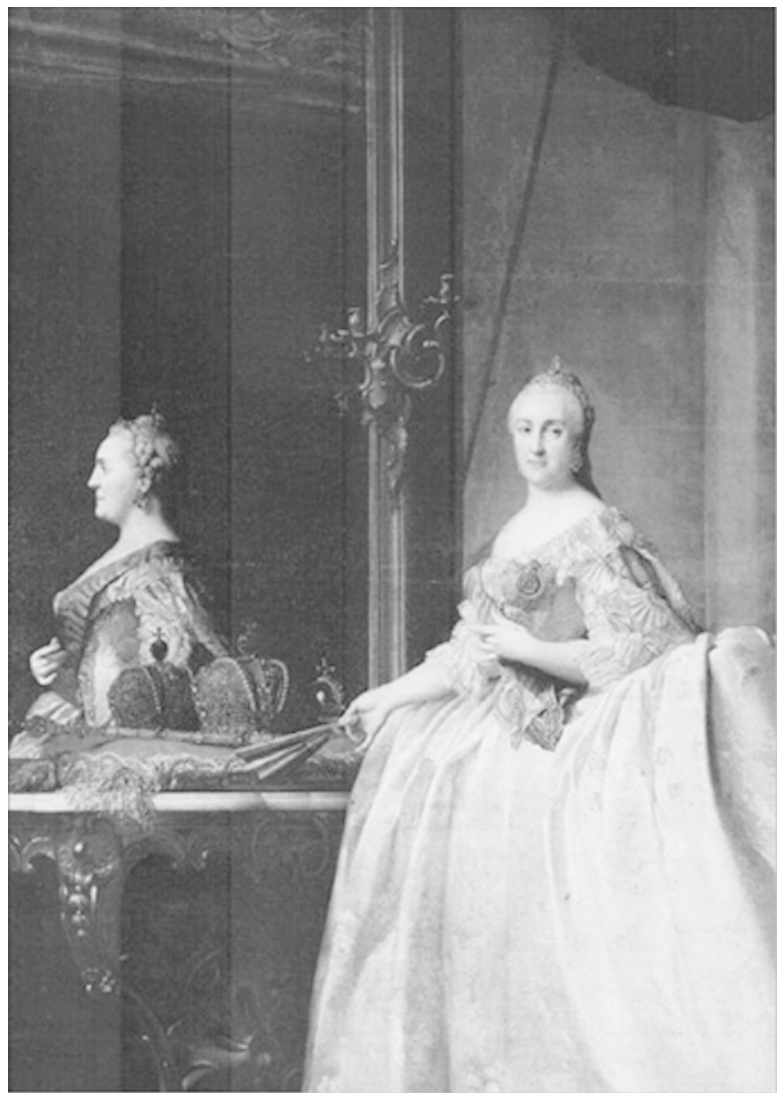
Дело в том, что пожилой даме, мирно раскладывающей пасьянс со своими старыми камер-фрау, было что противопоставить надвигающемуся хаосу. Это была она сама.

На одном из портретов кисти голландского живописца В. Эриксена Екатерина изображена у огромного зеркала. Императрица смотрит на зрителя, а мы можем наблюдать ее одновременно в профиль и фас. Сзади, за небрежно откинутой драпировкой, еще одно зеркало, оно тоже ловит и бесконечно умножает изображения государыни. Создается впечатление, что куда бы ни повернулась Екатерина, она повсюду увидит самое себя.

Художественный образ весьма точен. С юности будущая «владычица полумира» проявила углубленный интерес к своей личности. Она оставила множество разрозненных заметок на этот счет. В письмах к философам Вольтеру, Дидро, Гримму, на страницах воспоминаний, в разрозненных за-

метках императрица то и дело возвращается к оценке своего характера и жизненных принципов.

Даже на обратной стороне листка, содержавшего эпитафию любимой собачке, сиру Тому Андерсону, государыня пишет свою собственную надгробную надпись: «Здесь покоится тело Екатерины II... Она приехала в Россию, чтобы выйти замуж за Петра III. 14 лет она составила тройной план: нравиться своему супругу, Елизавете и народу – и ничего не забыла, чтобы достигнуть в этом успеха. 18 лет скуки и одиночества заставили ее много читать. Вступив на русский престол, она желала блага и старалась предоставить своим подданным счастье, свободу и собственность. Она охотно прощала и никого не ненавидела. Снисходительная, жизнерадостная, от природы веселая, с душою республиканки и добрым сердцем, она имела друзей. Работа для нее была легка. Общество и искусства ей нравились».

Портрет Екатерины II. Художник В. Эриксен

В этом коротком тексте есть все, вокруг чего обычно крутится рассказ о жизни императрицы. Ни один исследователь не миновал вопроса о средствах достижения Екатериной успеха, об ее амбициозных планах, составленных в столь раннем возрасте, о тяжелых годах супружества, о влиянии книг на развитие будущей государыни. Множество перьев сломано в дискуссиях об искренности желания Екатерины наделить своих подданных «счастьем, свободой и собственностью». И, наконец, о том, как республиканка «в душе» стала одним из самых могущественных русских самодержцев.

Вероятно, ответы на эти вопросы живо волновали саму Екатерину, иначе она не пыталась бы столь часто прибегать к анализу своего «я». Одним из способов заглянуть в тайники собственной души было для нее обращение к воспоминаниям.

Глава 1

Штеттин – маленький город

«Зачем вам Штеттин? – писала в 1776 г. Екатерина своему старому корреспонденту барону Мельхиору Гримму, узнав, что он собирается побывать у нее на родине. – Вы никого там не застанете в живых... Но если вы не можете освободиться от этой охоты, то знайте, что я родилась в Мариинском приходе, что я жила и воспитывалась в угловой части замка и занимала на верху три комнаты со сводами возле церкви, что в углу. Колокольня была возле моей спальни... Через весь этот флигель по два или по три раза в день я ходила, подпрыгивая, к матушке, жившей на другом конце. Впрочем, не вижу в том ничего занимательного. Разве, может быть, вы полагаете, что местность имеет влияние на произведение сносных императриц?»

Несмотря на шуточный тон, с каким Екатерина говорила о годах своего детства, в мемуарах она уделяет раннему периоду жизни самое серьезное внимание. Читая строки воспоминаний, можно найти ответы на многие загадки ее личности. Даже детские болезни оказались отдельной страницей в становлении характера будущей императрицы.

Девочка росла сущим бесенком и постоянно норовила

сломать себе шею во время самых невинных игр. У нее было столько энергии, что, набегавшись и напрыгавшись за день, она вечером не могла уснуть и, оседлав громадную диванную подушку, скакала на ней, как на лошади, до тех пор, пока в изнеможении не падала на кровать. «Однажды я так изловчилась, – вспоминала Екатерина, – что шкаф, полный игрушек и кукол, упал на меня... Мать подумала, что меня задавило, но, к счастью, дверцы шкафа были отперты, и он лишь удачно накрыл меня... В другой раз я чуть не проткнула себе глаз ножницами: острое попало в веко».

Невольно задумаешься над ролью случая. Как пошла бы дальше история России, если б маленькая немецкая принцесса окривела и не вышла замуж за наследника престола? Будущая императрица имела все шансы скончаться в младенчестве. Настоящим наказанием в старом штеттинском замке были сквозняки. Каждое утро и каждый вечер детей ставили на колени читать молитву. В один прекрасный день дочка коменданта зашлась страшным кашлем, повалилась на бок и не смогла встать. «Ко мне бросились и снесли меня на кровать, где я оставалась почти в течение трех недель, лежа постоянно на левом боку с кашлем и колотьями и очень сильным жаром». Когда же девочка поднялась с постели, то окружающие увидели страшную картину: «Правое плечо стало выше левого, позвоночник шел зигзагом, а в левом боку образовалась впадина». Об уродстве маленькой принцессы родители не отважились сказать никому, за исключением двух

верных слуг, которые и пригласили к своей больной госпоже... местного палача (в городе, по признанию Екатерины, не было доктора).

Штеттинский палач, а по совместительству хирург, предложил весьма оригинальный способ лечения. «Человек этот, осмотрев меня, приказал, чтоб каждое утро в шесть часов девушка натошак приходила натирать мне плечо своей слюной, а потом позвоночник. Затем он сам сделал род корсета, который я не снимала ни днем, ни ночью... Сверх того он заставил меня носить широкую черную ленту, которая шла вокруг шеи, охватывала с правого плеча правую руку и была закреплена на спине... Я перестала носить этот столь беспокойный корсет лишь к десяти или одиннадцати годам».

Представьте себе ребенка, в течение трех-четырёх лет закованного в неудобный, стесняющий движения корсет. Больше нет возможности бегать, лазать по деревьям, играть со сверстниками в шумные игры, каждый лишний шаг, взмах руки, наклон головы крайне ограничен. И это у девочки, которая еще недавно не знала, куда девать энергию! Временная кривобокость – первая в жизни Екатерины болезнь-урок. Именно тогда будущая императрица приобрела необыкновенно прямую величественную осанку, о которой писали все наблюдатели, а главное – она в столь раннем возрасте научилась сдерживать свои порывы и жить в постоянном принуждении к стесняющим волю правилам. Этот горестный навык очень пригодился Екатерине в будущем.

Сестры Кардель

В знатных семьях дети больше времени проводили не в обществе родителей, а в обществе воспитателей и наставниц. Именно последние оказывали основное влияние на характер подопечных. Обе гувернантки, которых Екатерина вспоминала уже в зрелые годы, наложили серьезный отпечаток на ее личность.

Еще до гувернанток совсем маленькую Фикхен поручили заботам компаньонки ее матери, некоей фон-Гогендорф. «Эта дама так неумело взялась за меня, что сделала меня очень упрямой, – писала впоследствии императрица, – я никогда не слушалась иначе, как если мне прикажут, по крайней мере, раза три и притом очень внушительным голосом». Упрямство в течение всей жизни было заметной чертой характера Екатерины. Правда, с годами она научилась хорошо скрывать его и проявлять не в форме возражения собеседникам, а в форме дел, сделанных вопреки чьему либо мнению. «Я умела быть упрямой, – позднее писала она, – твердой, если хотите, когда это казалось мне необходимым. Я никогда не стесняла ничьих мнений, но при случае имела свое собственное. Я не люблю споров, потому что вижу, что всегда каждый остается при своем мнении. Вообще я не смогла бы всех перекричать».

С двух лет заботы о девочке поручили француженке-эми-

грантке Магдалине Кардель, «которая была вкрадчивого характера, но считалась немного фальшивой». «Она очень заботилась о том, – вспоминала Екатерина, – чтобы я являлась перед отцом и матерью такою, какой могла бы им нравиться. Следствием этого было то, что я стала слишком скрытной для своего возраста».

Кардель очень рано привила Фикхен те черты, о которых впоследствии будут много писать мемуаристы: умение нравиться, превращенное в настоящее искусство. Прошли годы, место родителей заняли другие люди, и императрица всегда представляла перед ними такой, какой ее хотели видеть. Сама Екатерина не слишком любила в себе эту черту. Во всяком случае, Магдалине Кардель сильно достается от воспитанницы за фальшь.

Естественность и искренность старательно изгонялись из поведения девочки, заменяясь наивным позерством. Одновременно происходило поощрение слабостей: тщеславия, любви к подаркам и лести. В таком состоянии ребенка нашла новая гувернантка, о которой Екатерина с благодарностью писала: «Магдалина Кардель вышла замуж... и меня поручили ее младшей сестре Елизавете Кардель, смею сказать, образцу добродетели и благоразумия, – она имела возвышенную от природы душу, развитой ум, превосходное сердце; она была терпелива, кротка, весела, справедлива, постоянна и на самом деле такова, что было бы желательно, чтобы могли всегда найти подобную при всех детях».

Однако это слова уже взрослой, умудренной опытом женщины. Маленькой упрямой и скрытной Фикхен новая наставница сначала очень не понравилась. «Она меня не ласкала и не льстила мне, как ее сестра; эта последняя тем, что обещала мне сахару да варенья, добилась того, что испортила мне зубы и приучила меня к довольно беглому чтению, хотя я и не знала складов. Бабет Кардель, не столь любившая показной блеск, как ее сестра, снова засадила меня за азбуку и до тех пор заставляла меня складывать, пока не решила, что я могу обходиться без этого». Заметим, что многие наблюдатели отмечали в Екатерине любовь к «показному блеску» и умение пускать пыль в глаза, т. е. именно те качества, за которые воспитанница бранит старшую из гувернанток.

Строгие нравственные уроки Елизаветы Кардель, без сомнения, пошли будущей императрице на пользу. Они научили Фикхен сдерживать в узде неуемную жажду похвал и показали, что не все люди будут потакать ее слабостям.

Именно младшая Кардель приохотила воспитанницу к чтению, причем возможность слушать книги подавалась как награда за хорошее поведение. Это заставило девочку считать книги высшим и наиболее изысканным наслаждением. «У Бабет было своеобразное средство усаживать меня за работу и делать со мной все, что ей захочется: она любила читать. По окончании моих уроков она, если была мною довольна, читала вслух; если нет, читала про себя; для меня было большим огорчением, когда она не делала мне чести

допускать меня к своему чтению».

Умная и благородная Кардель умела подавить упрямство, капризы и тщеславие своей воспитанницы, но в маленьком захолустном замке и хозяева, и слуги жили бесконечными слухами, переполнявшими мирок немецких княжеств. Эти слухи, как и этот мирок, тоже были маленькими, если не сказать мелочными. Где балы и маскарады прошли удачнее: в Брауншвейге или в Берлине? Какая из принцесс, бесконечных кузин Софии, сделала партию лучше? Когда же и за кого выйдет замуж сама Фикхен? Подобные разговоры, ведшиеся в присутствии детей, повлияли на разжигание честолюбия маленькой принцессы – потенциальной невесты любого из европейских принцев.

«В доме отца был некто по имени Больхаген, – рассказывала Екатерина, – сначала товарищ губернатора при отце, впоследствии ставший его советником... Этот Больхаген и пробудил во мне первое движение честолюбия. Он читал в 1736 г. газету в моей комнате; в ней сообщалось о свадьбе принцессы Августы Саксен-Готской, моей троюродной сестры, с принцем Уэльским, сыном короля Георга II Английского. Больхаген обратился к Кардель: „Ну правда сказать, эта принцесса была воспитана гораздо хуже, чем наша; да она совсем и некрасива; и однако вот суждено ей стать королевой Англии; кто знает, что станется с нашей“». Софии в это время едва исполнилось семь лет, а ее уже рассматривали как возможную супругу того или иного коронованного лица.

Очень скоро, лет через пять-шесть, для нее должна была наступить лучшая, по понятиям XVIII в., пора замужества. На этом пути услуги Бабет Кардель отходили в прошлое, и София начинала остро нуждаться в советах матери.

Семейный треугольник

Принцесса Иоганна-Елизавета принадлежала к знатному Голштинг-Готторпскому дому и обладала богатой родней. Она была еще слишком молода, чтобы всерьез обращать внимание на детей. Однако с дочерью ее отношения складывались с самого начала трудно. Известна фраза Екатерины о том, что лучшим аргументом в споре ее мать считала пощечину. Неумное поведение принцессы Иоганны было первым толчком, надломившим хрупкий стебелек женственности, едва начавший прорасти в душе Софии.

В детстве Фикхен была дурнушкой, и мать постоянно подчеркивала изъяны девочки, говоря, что при такой непривлекательной внешности, она должна стать нравственным совершенством, чтобы не отпугивать людей. «Не знаю наверное, была ли я действительно некрасива в детстве, – рассуждала Екатерина, – но я хорошо знаю, что мне много твердили об этом и говорили, что поэтому, мне следовало позаботиться о приобретении ума и достоинств, так что я была убеждена до 14 или 15 лет, будто я совсем дурнушка».

Менее живую и общительную девочку упреки матери могли заставить замкнуться в себе, развили бы в ней робость и нелюдимость. Однако Фикхен избрала другой путь. Она стала при встречах занимать собеседников интересными разговорами, подстраиваться под их вкусы и, таким образом, по-

беждать мнимое отвращение. Впоследствии Екатерина стала весьма привлекательной молодой особой, но она так и не научилась осознавать свою прелесть. «Говоря по правде, – писала императрица, – я никогда не считала себя особенно красивой, но я нравилась, и думаю, что в этом была моя сила».

К 14 годам София из гадкого утенка превратилась в прекрасного лебедя, а место постоянных насмешек и придирок со стороны матери заняла глухая ревность. Но юную принцессу уже не так легко было остановить. Во время пребывания в гостях у бабушки в Гамбурге девочка познакомилась с одним из своих многочисленных дядей, принцем Георгом-Людвигом, который не на шутку увлекся ею. «Он был на 10 лет старше меня и чрезвычайно веселого нрава», – рассказывала Екатерина.

Первой забила тревогу верная Кардель, заметив, что «тысячи любезностей» доброго дяди по отношению к племяннице перерастают в откровенное ухаживание. Однако к голосу гувернантки никто не прислушался, и вскоре София с изумлением впервые в жизни услышала признание в любви, а затем и просьбу руки. Не зная, как быть, и скорее плывя по течению, чем действительно испытывая к поклоннику серьезное чувство, девушка дала согласие. «Он был тогда очень красив, – вспоминала императрица, – глаза у него были чудесные, он знал мой характер, я уже свыклась с ним, он начал мне нравиться и я его не избегала».

В данном случае Софии было важно проучить, наконец, Иоганну-Елизавету, продемонстрировав ей, насколько та была не права в оценке чисто женских качеств дочери. Фикхен добилаь своего. «С последней поездки в Гамбург мать стала больше ценить меня», – не без гордости записала императрица в мемуарах, словно и через тридцать лет незримый спор с принцессой продолжался.

Казалось, этот спор начался у Екатерины с самого рождения. В семье ждали мальчика, и появлению дочери никто, кроме отца – добродушного принца Христиана-Августа Ангальт-Цербстского, – не обрадовался. «Мать не очень-то беспокоилась обо мне, – обижалась Екатерина, – через полтора года после меня у нее родился сын, которого она страстно любила; что касается меня, то я была только терпима, и часто меня награждали колотушками в сердцах и с раздражением, но не всегда справедливо».

Принц, Христиан-Август Ангальт-Цербстский (отец,

Сознание своей ненужности развило в Софии детскую ревность. В жизни самой Фикхен братья и сестры не играли никакой роли. В мемуарах она даже не называет их имен и не испытывает грусти, когда рассказывает о смерти своего тринадцатилетнего хромого брата. Ведь это был тот самый мальчик, которого так «страстно любила» мать! Уже став императрицей, Екатерина запретила своей родне приезжать в Петербург, заметив, что «в России и без того много немцев».

Уязвленной девочке казалось, что принцесса Иоганна готова дарить свое внимание и ласку кому угодно, только не ей. В Брауншвейге маленькая София была очень дружна с принцессой Марианой Брауншвейг-Бевернской, но и эта дружба оказалась отравлена ядом ревности. «Моя мать очень любила ее, – пишет Екатерина о Мариане, – и предрекала ей корону. Она, однако, умерла незамужней. Как-то приехал в Брауншвейг с епископом принцем Корвенским монах из дома Менгден, который брался предсказывать будущее по лицам. Он услышал похвалы, расточаемые моей матерью этой принцессе, и ее предсказания; он сказал ей, что в чертах этой принцессы не видит ни одной короны, но, по крайней мере, три короны видит на моем челе. События оправдали это предсказание». Екатерина словно говорит: ведь вас предупреждали, что на меня стоило обратить внимание!

Подобное положение вещей заставляло маленькую прин-

цессу с еще большей силой желать выдвинуться, показать себя, продемонстрировать свои достоинства так ярко, чтобы их наконец заметили. В еще очень раннем возрасте из кирпичиков ревности, зависти к более красивым и удачливым детям, жажды материнской ласки у Софии складывается то поистине сжигающее честолюбие, которое заставило ее идти к намеченной цели, невзирая ни на какие преграды.

Ко времени 15-летия дочери Иоганне-Елизавете самой было лишь 30, и она болезненно переживала свое увядание на фоне расцвета девочки. Еще больнее для нее было сознание того, что собственную жизнь уже не изменить – она жена коменданта захолустной крепости, а вот ее дочь еще может сделать головокружительную партию. Когда же эта партия наметилась, принцесса повела себя настолько по-женски, что Екатерина и через тридцать лет не смогла забыть ее откровенно враждебных действий.

За год до романа с дядей, когда тринадцатилетняя Фикхен находилась с матерью в Берлине, их дом неожиданно посетил Яков Ефимович Сиверс, впоследствии один из близких сотрудников Екатерины, а тогда молодой камер-юнкер русского двора. Он привез Фридриху II Андреевскую ленту в подарок от императрицы Елизаветы Петровны. Сиверс нанес визит принцессе Иоганне, во время которого как бы между прочим попросил позволения взглянуть на Софию. Подобные просьбы, исходящие из уст посланца двора, где подрастал маленький царевич, выглядели прозрачно. «Мать веле-

ла мне прийти причесанной наполовину, как была», – вспоминала Екатерина. Сиверс попросил портрет Софии, чтобы показать его в Петербурге. Через год уже в Гамбурге ту же просьбу о встрече с Софией повторил генерал русской службы барон Николай Андреевич Корф, женатый на двоюродной сестре Елизаветы графине Скавронской. «Вероятно, я стала уже не так дурна, – рассуждала Екатерина, – потому что Сиверс и Корф казались сравнительно довольными моей внешностью; каждый из них взял мой портрет, и у нас шептались друг другу на ухо, что это по приказанию императрицы. Это мне очень льстило, но чуть не случилось происшествие, которое едва не расстроило все честолюбивые планы».

*Принцесса Иоганна-Елизавета Ангальт-Цербстская
(мать Екатерины II). Художник А. Пэн*

Речь идет о романе с дядей как раз в разгар многозначительных намеков русского двора. Принц Георг-Людвиг вел себя слишком свободно для человека, который заранее не заручился согласием матери. «Я узнала потом, что мать все это знала, – вспоминала Екатерина, – да и нельзя ей было не заметить его ухаживания, и, если б она не была с ним заодно, то, я думаю, она не допустила бы этого».

Вообразите себе мать, которая всеми силами старается избавить дочь от... короны. Причем ничего дурного о характере и нравах Петра Федоровича она еще не знает, а просто не хочет ехать в Россию. И правда, что делать при русском дворе, если замуж выходит не Иоганна-Елизавета, а София-Августа-Фредерика?

«Я знаю, она отклоняла отца от мысли о нашей поездке в Россию, – писала Екатерина, – я сама заставила их обоих на это решиться». В памятный январский день 1744 г. София коршуном напала на мать с неожиданными и едва ли не резкими словами, убеждая принцессу согласиться на полученное приглашение приехать в Петербург. «Я воспользовалась этой минутой, чтобы сказать ей, что, если действительно ей делают подобные предложения из России, то не следовало от них отказываться, что это было счастье для меня». Иоганна привела неотразимый аргумент: «Она не могла удержаться

и не сказать: „А мой бедный брат Георг, что он скажет?“... Я покраснела и сказала ей: „Он только может желать моего благополучия и счастья“».

Ни сожалений, ни сентиментальной грусти о первом чувстве. 15-летняя девушка легко переступает через все, что было ей дорого в прошлом, а любящий человек должен радоваться за нее, иначе в его сердце царствует не любовь, а эгоизм.

Иоганна-Елизавета оказалась побеждена. Но какой ценой? Девочка слишком рано перестала видеть в ней мать, и увидела соперницу. Через много лет картина семейного противостояния будет воспроизведена Екатериной в ее отношениях с сыном Павлом, только место дамского соперничества займет вражда политическая.

«Человек прямого и здравого смысла»

Не в последнюю очередь сложные отношения Софии и Иоганны-Елизаветы были связаны с отцом, принцем Христианом-Августом, которого маленькая принцесса буквально боготворила.

Вот как Екатерина описывала семейную пару своих родителей: «С внешней стороны они отлично уживались, хотя и была большая разница в годах между ними, да и склонности их были довольно различны. Отец, например, был очень бережлив; мать очень расточительна и щедра. Мать любила исключительно удовольствия и большой свет; отец любил уединение. Одна была весела и шутлива, другой серьезен и очень строгих нравов. Но в чем они совершенно были сходны между собою, так это в том, что оба пользовались большой популярностью, были непоколебимо религиозны и любили справедливость, особенно отец. Я никогда не знала человека более глубоко честного и по убеждению, и на деле. Мать считалась умнее отца, и в ее уме находили больше блеска; но отец был человеком прямого и здравого смысла, с которым он соединял много знаний».

Заметим, что Екатерина подчеркивает внешнюю сторону хороших отношений своих родителей. Она все время ставит под сомнение достоинства матери: щедрость превращается

в расточительность, светскость – в безудержную любовь к удовольствиям, Иоганна-Елизавета только «считается» умнее мужа, а на самом деле ум ее блестящ, но неглубок, а все знания поверхностны. Для Софии неважно, что кто-то считает Христиана-Августа глупее жены, для девочки он просто порядочный человек, не пускающий пыль в глаза и знающий много интересного.

Нетрудно догадаться, что между столь разными людьми возникали размолвки. В этих ссорах подрастающая София молчаливо занимала сторону отца, которого считала незаслуженно оскорбленным ветреностью матери. К тому же принц Христиан был на 27 лет старше взбалмошной и избалованной Иоганны. Он не скакал по родственникам с бала на маскарад, а был занят службой. Это в глазах Софии придавало ему достоинство. Пройдут годы, и императрица будет называть свой труд «службой», а свое место на троне – «должностью».

Христиан-Август убежденно исповедовал лютеранство. Того же он требовал и от дочери. София пыталась не разочаровывать его. Однако живой ум девочки часто создавал сложные ситуации при изучении Закона Божьего. «Помню, у меня было несколько споров с моим наставником, – рассказывала она в „Записках“, – из-за которых я чуть не попробовала плети. Первый спор возник оттого, что я находила несправедливым, что Тит, Марк Аврелий и все великие мужи древности, притом очень добродетельные, были осуж-

дены на вечную муку, так как не знали Откровения. Я спорила жарко и настойчиво и поддерживала свое мнение против священника».

Впоследствии будет много написано о религиозном индифферентизме Екатерины, которая перешла из лютеранства в православие и нарушила, таким образом, обещание, данное отцу. Однако лютеранские убеждения Софии дали трещину задолго до приезда в Россию. Связано это было с уроками пастора, всякий раз пытавшегося прибегнуть к розге, когда не находилось других аргументов.

«Сей духовный отец чуть не поверг меня в меланхолию, – посмеивалась взрослая Екатерина, – столько наговорил он мне о Страшном суде и о том, как трудно спастись. В течение целой осени каждый вечер на закате дня ходила я плакать к окошку. В первые дни никто не заметил моих слез; наконец, Бабет Кардель их заметила и захотела узнать причину. Мне было трудно ей в этом признаться, но, наконец, я ей открыла причину, и у нее хватило здравого смысла, чтоб запретить священнику страшать меня впредь такими ужасами».

Впрочем, споры с учителем быстро забывались, да и достаточно времени на уроки у Софии не было. Иоганна-Елизавета любила развлекаться, а для этого приходилось посещать родню. Благодаря непоседливости матери будущая императрица объездила всю Германию.

Из окна кареты

«Мать с тех пор, как мне пошел восьмой год, обыкновенно брала меня повсюду с собой», – вспоминала Екатерина. Иоганна-Елизавета обладала авантюрной жилкой и склонностью к жизни при больших дворах. «Она была воспитана герцогиней Елизаветой-Софией-Марией Брауншвейг-Люнебургской, ее крестной матерью и родственницей. Та и выдала ее замуж и дала ей приданое».

София побывала в Берлине, Брауншвейге, Кведлинбурге, Гамбурге, Эйтине, Иевере, Вареле и других местах. Во время этих поездок у нее заводился целый рой новых знакомых, который исчезал также быстро, как и появлялся, словно его сдувало дорожным ветром. Девочке казалось, что она увидела всех по-настоящему важных и знаменитых людей в Германии от прусского короля Фридриха Великого до вдовы императора Священной Римской империи Карла VI Габсбурга, которую считали «бабушкой всех государей Европы». Есть на что посмотреть восьмилетнему ребенку из гарнизонной глуши!

В 1733 г. четырехлетняя София оскорбила прусского короля Фридриха Вильгельма I, приехавшего в Брауншвейг. «Сделав ему реверанс, я, говорят, пошла прямо к матери, которая была рядом с вдовствующей герцогиней Брауншвейгской, ее теткой, и сказала им: „Почему у короля такой корот-

кий костюм? Он ведь достаточно богат, чтоб иметь подлиннее?“ Король захотел узнать, о чем я говорила; пришлось ему сказать; говорят, он посмеялся, но это ему не понравилось».

Судьба словно заранее позаботилась о том, чтобы будущая императрица могла расширить свой кругозор. Девочка увидела многое, в том числе и то, чего не должна была видеть. В Вареле она познакомилась с графиней Бентинк, вдовой графа Альденбургского. Эта дама привела Софию в восторг тем, что ездила верхом, «как берейтор» и, оставшись с девочкой наедине, тотчас пустилась танцевать с ней «штирийский танец».

«Я привязалась к ней, эта привязанность не понравилась матери, но еще больше отцу», – сообщала Екатерина. Добропорядочные родители, в отличие от их наивной дочери, сразу поняли, что за дама эта «милейшая графиня Бентинк». «Она была уже в разводе с мужем. Я нашла в ее комнате трехлетнего ребенка, прекрасного как день... Своим знакомым она говорила без стеснения, что это был ее ребенок и что она имела его от своего скорохода. Иногда она надевала этому ребенку свой чепчик и говорила: „Посмотрите, как он на меня похож!“»

Предусмотрительные родители Софии поспешили покинуть Варель, чтобы, как пишет Екатерина, «вырвать меня из когтей этой женщины». Однако уроки Бентинк не прошли для Софии даром. Маленькая принцесса находила свою новую приятельницу очаровательной. «Да и как могло быть

иначе? – рассуждала Екатерина. – Мне было четырнадцать лет; она ездила верхом, танцевала, когда ей вздумается, пела, смеялась, прыгала, как дитя, хотя ей было тогда за тридцать».

Этот пассаж из мемуаров императрицы напоминает другие строки, написанные много лет спустя княгиней Е.Р. Дашковой, которая рассказывала о своей первой встрече с великой княгиней и о том неотразимом впечатлении, которое на нее, пятнадцатилетнюю девочку, произвела тридцатилетняя цесаревна: «Очарование, исходившее от нее, в особенности когда она хотела привлечь к себе кого-нибудь, было слишком могущественно, чтобы подросток мог ему противиться». Сама пережив прелесть дружбы с более взрослой женщиной, Екатерина хорошо запомнила силу этого чувства и приемы, которые производят впечатление на юную, еще неопытную душу.

Графиня Бентинк осталась в Вареле, а карета принцессы Иоганны покатила дальше. Погруженная в развлечения мать даже не замечала, что маленькая девочка с каждым днем все больше утрачивает естественное чувство дома, что она готова посчитать родным то место на карте, где ее странствия наконец остановятся.

Мир, открывавшийся Фикхен из окна дорожной кареты, был полон удивительных вещей. Холодное Балтийское море сменяли буковые леса Центральной Германии, а тихие заштатные города – роскошные резиденции королей и кур-

фюрстов. Это был еще только маленький мирок германских земель, но для любознательной девочки он казался огромным. А главное – он постоянно менялся: то дюны, то горы; то мать, то бабушка; то Штеттин, то Берлин... Картины за окном кареты все время мелькали, единственным, что оставалось неизменным, была сама юная путешественница.

Вокруг Софии не обнаруживалось ничего прочного. Поэтому она искала опору в себе самой. Поток ранних, ярких впечатлений заставил девочку совершить своего рода бегство – замкнуться во внутреннем мире. Путешествия с матерью стали первым толчком, который понудил Софию самоуглубиться и вдруг открыть, что там, внутри, свет ничуть не меньше, чем снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.